

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Пиратское Просвещение

Наконец, теперь мы можем обратиться к истории Рацимилаху и оценить ее в надлежащем контексте.

Как я уже отмечал, великая политическая мобилизация, в результате которой возникла Конфедерация бецимисарака, не была творением сыновей пиратов, большинство из которых на тот момент были детьми. Но не была она и творением самих пиратов в прямом смысле слова. Пираты однозначно жили в портовых городках и наблюдали за теми событиями, о которых идет речь; они не могли не быть заинтересованы в их результате; однако, если верить Мейёру, от участия в событиях они воздерживались [130]. Помимо Рацимилаху, главные роли в этом принадлежали, судя по всему, малагасийским мпандзакам и их сыновьям, сражающимся за доступ к портовым городкам, основанным в основном усилиями пиратов и их союзниц из числа женщин. В некоторой степени мобилизация была просто новым актом утверждения традиционных мужских достоинств – воинской доблести, ораторского мастерства в публичных выступлениях, способности воссоздавать предков посредством жертвенных ритуалов. В какой-то мере это был и политический эксперимент, в котором политические модели и принципы, заимствованные у пиратов и из иных иноземных источников, сливались с существующими политическими традициями побережья с целью создать нечто отличное от того, что было прежде.

Рассматривая всё это как эксперимент времени, предшествующего эпохе Просвещения, я, конечно, занимаю намеренно провокационную позицию. Но мне кажется, что провокация здесь вполне уместна. Самостоятельный политический эксперимент, осуществленный малагасийскими ораторами, является историческим феноменом того рода, что, если он на самом деле имел место, современная историография менее всего в состоянии его проанализировать или даже просто признать.

Исследование Роберта Кабана о Конфедерации бецимисарака, в котором она рассматривалась как способ сохранения режима воспроизводства «линиджной системы» от наступающей «системы торговли», было опубликовано в 1977 году и может считаться наивысшим достижением определенного, в широком смысле марксистского направления анализа [131]. Оно восходит к тому периоду, когда Республика Мадагаскар, как и многие другие постколониальные страны, сама экспериментировала с государственным социализмом. С тех пор и общая политическая ситуация, и основное внимание исторического анализа, и его терминология изменились. В эпоху глобализации и становления бюрократических структур планетарного масштаба, во имя глобального рынка поощряющих интересы всё более узкой экономической элиты, наблюдается расцвет стиля исторического повествования, сосредоточенного прежде всего на международной торговле,

далее на «местных элитах» как основной (или даже единственной) движущей силе истории. Хотя, конечно, существуют превосходные исторические труды о Мадагаскаре, которые существенно отклоняются от этого подхода [132], но по большей части все, кто писал о пиратах [133], следуют этой модели. Иноземные торговцы сотрудничают или конфликтуют с местными элитами. Предполагается, что во всех важных отношениях это одни и те же «элиты»; в крайнем случае среди них могут выделяться «политические элиты» и «магико-религиозные специалисты», но главным образом это предположение сводится к тому, что элиты в любом случае должны существовать, что элиты заняты прежде всего накоплением богатств и власти, и если их и можно дифференцировать, то лишь по тому, насколько много власти и богатства им удалось в итоге аккумулировать. При всём этом народные движения, равно как и интеллектуальные течения (все, помимо «западных») – космология, ценности, понятия – почти всегда вычеркиваются из общей картины: первые полностью, вторые же в лучшем случае представляются маскарадными костюмами труппы актеров, которые, какими бы яркими личностями они ни были, обречены обсессивно-компульсивно разыгрывать одну и ту же пьесу [134].

Вот как один современный историк обобщил значение войн, которые обеспечили расцвет Конфедерации бецимисарака.

Несмотря на тот факт, что в ходе войны было захвачено значительное количество пленников, после окончания военных действий бецимисарака еще долго не удавалось нажиться на их продаже. До 1724 года порты восточного побережья фактически оставались отрезаны от колониальных рынков: суда работорговцев если вообще заходили сюда, то редко. Несколько торговых судов на рубеже столетий было потеряно в результате столкновений с пиратами, так что в последующие годы работорговцы избегали этого региона <...> В продолжение первой половины восемнадцатого века большая часть населения восточного побережья по-прежнему проживала в селениях, в основном автономных. Археологические исследования показывают, что изменения в традициях керамического производства были незначительны, а свидетельства торговли, социальной дифференциации или сколь-нибудь развитой иерархии в поселениях отсутствуют. Даже если эти находки подтверждают предположение, что господствующий режим возник здесь скорее в результате усилий отдельной харизматической личности, чем благодаря постепенным структурным изменениям, Рацимилаху никогда не признавал божественной природы и абсолютной власти монарха, как это практиковалось у сакалава. Бецимисарака оставались скорее союзом независимых общин с филохани во главе, чем единым королевством [135].

Мейёр предполагал, что Рацимилаху внимательно следил за тем, чтобы как можно больше пленных вернулось в свои семьи, он исходил из скрытой – а на самом деле даже не столь уж скрытой – предпосылки, что любой, кто имел возможность отправлять людей за океан, обрекая их тем самым на рабство, нищету и смерть, непременно делал это: по крайней мере, если был вполне уверен, что это позволит ему приобрести глиняную посуду лучшего качества. Можно предположить, что сам автор, давая такое описание, предпочитал, как и многие другие, жить в обществе, членов которого не продавали в рабство, а отдельными группами не управлял единолично некий обладающий абсолютной властью индивид. Подобная формулировка, на первый взгляд нейтральная, в действительности служит по

сути единственным возможным способом рассматривать ситуацию, когда группа людей на общем собрании придумывает, как отбиться от работорговцев, сохранив при том децентрализованную и основанную на широком участии членов систему самоуправления, и не видеть в этом великое историческое достижение.

Я склонен исходить из того, что это в самом деле великое историческое достижение, и что те, кто объединил бецимисарака в Конфедерацию (которая, конечно, не была порождением одной личности) были зрелыми, мыслящими взрослыми людьми, располагающими познаниями о широком разнообразии политических возможностей не только в Мадагаскаре, но также в Европе и в странах, расположенных за Индийским океаном. Представляется также возможным допустить, что в особенности хорошо они понимали организацию на пиратских судах и в пиратских сообществах, поскольку регулярно имели с ними дело. Итак, в остальной части этого раздела я предполагаю (пере)читать существующие свидетельства в свете этого предположения.

Это не так просто, потому что в рассказе Мейёра высказывается именно то предположение, что Конфедерация была порождением одной-единственной личности. По существу, это агиография. Едва ли не в каждой главе несколько абзацев посвящены рассуждениям об образцовых моральных и личных качествах главного героя; иногда они противопоставляются соответствующим качествам его антагониста, Рамананау, короля цикоа, иногда просто продолжают прославление его самого. Большинство прочих героев существуют лишь для продвижения сюжета или потому, что они погибли каким-то необычным образом. Всю эту историю, таким образом, приходится изучать по большей части с учетом этих отступлений и подтекстов. Но я думаю, что это возможно. Мейёр основывался на воспоминаниях товарищей по оружию Рацимилаху, произнесенных, когда тем было под шестьдесят или под семьдесят. Некоторые детали повествования (сражения, маневры, речи, ритуалы союза) изложены с яркими деталями; другие же очевидно истерлись в памяти или были намеренно опущены. В итоге мы имеем типичный героический нарратив; и между тем, хотя само существование на восточном побережье этого жанра в восемнадцатом веке уже исключительно знаменательно, чтобы уразуметь весь подтекст описанных событий, следует выйти за рамки того, что считалось достойным рассказа одним-двумя поколениями позже, и повернуть каждый эпизод, так сказать, боком, и разглядеть контекст того, о чем не говорится.

Исходная ситуация

К 1712 году пираты в основном покинули остров Сент-Мари и расселились вдоль побережья: некоторые, по-видимому, на берегах большой бухты Антунгилы, другие в Тинтинге прямо напротив Сент-Мари, однако самое большое их скопление, должно быть, наблюдалось в городках, известных позже как Фенериве (Фенуариву) и Фульпуэнт [136]. Последний, следует напомнить, в то время называли Амбонавулой; он служил перевалочным пунктом в снабжении иноземных судов рисом и скотом еще до появления пиратов, а теперь приютил экспериментальную коммуну Натаниеля Норта, которая пыталась соблюдать принципы пиратского самоуправления на суше.

Согласно Мейёру, все порты северо-востока – Фенериве, Фульпуэнт, Таматаве – находились под контролем военной коалиции юга, известной как цикоа; ее составляли пять кланов, родовые земли которых располагались в центральной трети того, что впоследствии должно было стать территорией бецимисарака. В отличие от «народа Севера» (антаваратра) и «народа Юга» (анатациму), цикоа жили под властью «короля, верховного вождя, старшего над всеми рядовыми вождями племен, деспота, абсолютного хозяина имущества и жизнью своих подданных» [137]. Король носил соответствующее имя Рамананау («Тот, кто делает то, что желает»). Родовые земли цикоа не имели выхода к морю, поясняет Мейёр, отчего те в конце концов напали на своих соседей и установили контроль над всем северо-востоком. Для северян, по словам Мейёра, это обернулось настоящей тиранией.

Их юных дочерей забирали и продавали на европейские суда, часто подходившие к побережью; любой ропот карался рабством и смертью. Могилы предков были осквернены. Предметы обмена, потребные для торговли с европейцами, отбирались силой и без возмещения. Целые деревни пустовали, поскольку мужчины, женщины, дети были заняты транспортировкой товаров с морского берега вглубь страны. Прибытие судна в любой точке северного побережья служило для местных жителей сигналом к бегству. Если они и возвращались, то скорее из страха увидеть свои поля опустошенными, а деревни сожженными дотла, чем для того, чтобы добиться каких-либо обещанных выгод.

Цикоа основали резиденцию для управления покоренной территорией. Столицей они сделали Вухимасину – деревню, расположенную на одноименной горе неподалеку от Фенериве и ставшую чрезвычайно сильной. Именно оттуда тиран диктовал свою волю многочисленным племенам, которые, не разумея своей собственной мощи, печально склоняли головы под игом завоевателя [138].

Рассказ Мейёра сбивает читателя с толку. Он то как будто описывает обычные грабежи работоторговцев, уничтожающие население, а то появление некоей империи, претендующей на контроль над всем побережьем.

Так, весьма неправдоподобным представляется что-либо похожее на абсолютную монархию, появившуюся ниоткуда в стране, где прежде не были известны даже доминирующие кланы. Где-то объединение цикоа называют «своего рода республикой» [139], и Кабан [140], возможно, прав, когда предполагает, что Рамананау, вопреки своему имени, в действительности был просто обычным успешным военачальником коалиции кланов, представленных в их традиционном разнообразии. Мейёр утверждает, что этническая группа цикоа сложилась, вероятно, в шестнадцатом веке, и, что особенно важно [141], в какой-то момент проговаривается, будто их считали причастными к бойне в основанных вдоль восточного берега в 1650-х европейских поселениях. С учетом всего этого можно с полным обоснованием заключить, что изначально цикоа были военным союзом, созданным для обороны побережья по инициативе тех же самых пяти основных кланов – союзом, который по первости, вероятно, не имел реальной силы, кроме как в экстренных ситуациях.

Природу свою коалиция начала менять лишь с появлением пиратов, в связи с чем стала играть в большей степени коммерческую роль. Спустя много лет после времени Рацимилаху из разговора со стариками цикоа аббат Роше вынес совсем иную версию этой истории.

Цикоа, по их утверждению, были просто «самыми предприимчивыми и храбрыми» людьми в регионе, которые

оставили свои земли и толпами устремились к местам обитания пиратов с намерением приобрести различные товары, которые, на их взгляд, были полезны и удобны. Обычно их интересовали прекрасные индийские ткани, платки из Мачилипатнама, муслин и прочие более или менее дорогие товары. Обитатели побережья, известные как антаваратра и манивулу, находили в их присутствии истинное удовольствие; они полагали, что погрешили бы против долга гостеприимства, если бы допустили хоть малейшие перебои в снабжении пиратов скотом и прочей провизией всех видов, необходимыми для обеспечения их судов [142].

Не одни только женщины стекались с конца 1690-х годов в новые портовые городки; были и мужчины. Для доставки провизии на суда, к примеру, непременно требовалось множество носильщиков, погонщиков и т. п.; всё это были традиционно мужские профессии. Возможно, цикоа, которые из-за удаленности проживания находились в менее выгодных условиях, вернулись к своей старинной военной организации, чтобы было удобнее защищать свои караваны и базы в регионе. Из-за этого они неизбежно втягивались в конфликты с местными жителями. Даже когда не пытались заварить кашу работорговцы, концентрация такого объема богатства в обществе, где достоинства мужчин связывались с подвигами при угоне скота, должна была иметь следствием неизбежные волнения. Мейёр в другом отрывке упоминает «постоянные раздоры, разграбление амбаров, предание деревень огню, похищение скота, уничтожение посевов, рабство, нищету и все изъявления ненависти и мести, которые это порождало» [143]. В рассказе Джонсона о Натаниеле Норте [144] колония пиратов в Амбонавуле всегда представляется балансирующей на грани сползания в эти конфликты. В конце концов, когда в поисках рабочей силы для бурно развивающихся плантаций на Маврикии и Реюньоне снова появились толпы иноземных работорговцев, им должно было сразу прийти на ум задружиться с военной организацией, чужой для этого региона. Вскоре у цикоа появился бессменный военачальник и как минимум два гарнизона: окруженный частоколом лагерь рядом с Амбонавулой-Фульпуэнтом, и Вухимасина, «столица» цикоа – крепость на самом верху горы, в нескольких лигах вглубь материка от Фенериве.

У нас нет свидетельств того, что цикоа взимали дань; они просто отбирали некоторую часть всего, что ввозилось и вывозилось через порты, и осуществляли по требованию работорговцев набеги. Это предполагало необходимость поддерживать взаимопонимание с пиратами, контролировавшими порты. Однако после 1697 года, как уже отмечалось выше, по отношению к работорговцам пираты-поселенцы настроены всё более враждебно. Чем больше они втягивались в местные дела, тем чаще должны были сталкиваться с подобного рода произвольным насилием и оценивали его так же, как их малагасийские родичи. Мейёр отмечает, что цикоа были достаточно осмотрительны: законные дети иноземцев избегали поборов, им был предоставлен свободный вход и выход через порты, но этого было явно недостаточно: все источники сходятся на том, что, когда поднялся бунт, пираты его поддержали.

Вот здесь-то и выходит на сцену Рацимилаху.

Все источники сходятся на том, что отец Рацимилаху был пиратом-англичанином, известным под именем Тамо, или Том, что мать его звали Рахеной и что она была дочерью вождя клана зафиндрамисоа. Этот клан всё еще существует в окрестностях Фенериве [145]. В остальном, однако, источники сильно расходятся. Согласно Луи Карайону [146], офицеру-французу, который в продолжение нескольких лет проживал на побережье, родители Рацимилаху познакомились в Сент-Мари, но отец погиб прежде, нежели он появился на свет, скрываясь от экспедиции, выступившей против пиратов; беременная вдова, унаследовавшая после него целый арсенал и множество драгоценностей, обещала передать всё коалиции вождей, поднявшейся на борьбу с цикоа, при условии, что те провозгласят ее ребенка своим королем. Рассказ этот примечателен тем, что возникновение Конфедерации бецимисарака никоим образом не связывается здесь с Рацимилаху, но по множеству других причин в качестве источника он не годится [147]. Из повествования Мейёра [148] широко известно, что Том, отец Рацимилаху, которому удалось каким-то образом восстановить свое доброе имя в Британии, совершил экстравагантный поступок – будто бы отправил сына в отроческом возрасте в Лондон, чтобы тот наряду с немногими малагасийскими ровесниками получил бы там образование, и будто бы спустя несколько месяцев сын затосковал по родине и потребовал, чтобы его забрали домой. Тогда отец пожаловал ему изрядный запас оружия и драгоценностей и предоставил самому выбирать судьбу. В этом рассказе некоторые вопросы тоже остаются без ответа. Каким всё же образом отцу Рацимилаху удалось вернуться домой и легализовать свое богатство, позволившее ему дать своим детям образование? Какое именно образование? [149] Остался ли он в Англии, как предполагает Мейёр, или продолжал играть активную роль в событиях? И кто были его малагасийские ровесники? Мейёр утверждает, что получил эти сведения от двух стариков, которые сопровождали его в поездке в Лондон, однако информация о том, кем они были и какую роль играли в последующих событиях, отсутствует.

Полагаю, что это – бесполезные вопросы, потому как все источники свидетельствуют о существовании некоей креольской, пиратской культуры, которая не исчерпывалась Рацимилаху или даже – в будущем – малата. В 1710-е и 1720-е годы пираты всё еще торговали и совершали рейды по всему Индийскому океану. Рацимилаху сам, согласно одному источнику [150], совершал «множественные путешествия», в том числе в Бомбей и в другие места на Малабарском берегу; как мы видели, он якобы проходил стажировку при дворе сакалава, при котором в то время состояло множество советников из числа пиратов [151]. Впоследствии, пользуясь знанием кредитных инструментов, он организовал в своем королевстве торговлю с иноземными купцами [152]. Кажется, разумно будет заключить, что этот опыт не был уникален или строго ограничен кругом действительных отпрысков пиратов; и тем не менее даже в повествовании Мейёра никому из малата не отводится сколь бы то ни было активная роль в этих событиях; все ближайшие соратники и союзники Рацимилаху – молодые люди, которые так же, как и он, были как-то знакомы с пиратами и с их традициями, но которые сами при том имели чисто малагасийское происхождение. Имена их мы узнаем лишь случайно, но они время от времени всплывают в текстах: двое анонимов-компаньонов, которые отправились с ним в Англию [153]; Андриамбула, его кузен по линии матери, маленький кружок близких друзей, сопровождавших его, когда он впервые был вынужден бежать в Амбонавулу [154]; Циенгали, его «наперсник» и заместитель вплоть до самого завершения военных действий [155], и так далее.

Спустя полвека иные из его соратников делились воспоминаниями с Мейёром; едва ли достойно удивления, если в своих рассказах они приуменьшали свою личную роль в событиях той эпохи. Малагасийцы-старики, как правило, скромны. Но их скромность только лишь подогрела стремление Мейёра сосредоточить внимание на личности самого Рацимилаху, который у него представлен этаким князем эпохи Просвещения, законодворцем, личному гению которого обязана своим возникновением нация бецимисарака. Это всё же не отрицает того, что создание Конфедерации в известном смысле было экспериментом из времен, предшествующих Просвещению. Экспериментом, в котором идея, что всё сводится к личности одного харизматичного основателя и абсолютного монарха, была, по сути, лишь уловкой. Так же, как и на пиратских судах, где было удобно поддерживать репутацию всемогущих и кровожадных капитанов, чтобы внушать ужас посторонним, даже если на самом деле решения обычно принимались большинством голосов, основатели Конфедерации считали полезным, особенно в сношениях с чужеземцами, поддерживать миф о существовании всемогущего короля, а наличие множества нарядов позволяло легко создавать видимость чего-то, что напоминало бы королевский двор, без каких-либо существенных изменений во внутреннем трудовом распорядке.

Конфедерация, таким образом, не была ни детищем какой-то одной личности, ни коллективным творчеством малата. Если же молодые люди, по-видимому, принявшие на себя ведущую роль в разработке идеи союза и его создании, взяли в качестве одной из моделей команду пиратского судна и пиратские формы социальной организации, то это тоже едва ли достойно удивления: в конце концов, то были чужеземные формы организации, с которыми они, скорее всего, имели опыт непосредственного взаимодействия. Джонсон в своем исследовании объясняет, что пираты, избрав Натаниеля Норта «капитаном» всех пиратов Амбонавулы, на деле вполне осознанно перенесли социальную организацию своих кораблей на твердую землю, причем, как утверждает автор, именно в расчете на то, что она произведет впечатление на их малагасийских соседей как образец мудрого правления. Даже те из них, кому довелось путешествовать в Европу или Индию, скорее всего, делали это в компании пиратов.

Наконец, надо сказать, что политический синтез в некоторой степени – именно то, чего следует ожидать в контексте, охарактеризованном историком Кевином Макдональдом как «гибридная культура, смесь обрядов и ритуалов прибрежных малагасийских народов» [156], которая выражается в употреблении вяленого мяса, ритуальных тостах или обрядах кровного братания (мателотаж у пиратов и малагасийская фатидра). В следующем разделе я проанализирую рукопись Мейёра в свете этой идеи. К сожалению, нам не доступны дискуссии соратников Рацимилаху, в ходе которых зарождался проект. Однако мы знаем кое-что о ритуальных формах, посредством которых авторы воплотили свой проект в жизнь: формы эти детально сохранились в народной памяти.

Брошенный вызов

Вот как начинается рассказ Мейёра.

В 1712 году Рацимилаху, тогда восемнадцати лет от роду, только что возвратился в Фульпуэнт (Амбонавулу) из своей неудачной поездки в Англию и пришел к убеждению, что сплотить антаваратра против цикоа возможно единственно посредством некоего драматического жеста – *coup d'éclat*. Тогда он отправил своего кузена Андриамбулу в столицу цикоа с бычьим рогом, наполненным рисом, но на лбу у посланника была белая фелана, традиционный отличительный знак партизан в военное время [157]. Вручив рог королю с пожеланием процветания, он пояснил, что Рацимилаху держал совет со своими предками, и те показали, что у Рамананау, военного вождя цикоа, нет никаких оснований для претензий на северные территории, и что если Рамананау желает жить с ним в мире, то должен вернуться в свою страну; впрочем, прибавил посланник, Рацимилаху расположен позволить цикоа по-прежнему контролировать Таматаве, самый южный порт, так что народ его не будет отрезан от внешней торговли вполне. Излишне говорить, что Рамананау отвечал с презрением. Он отверг рог, воздержался от ответного жеста и посоветовал Рацимилаху, не мешкая, убраться из Фульпуэнта, не то, мол, пошлет ему «кремень и мушкетную пулю».

С несколькими соратниками Рацимилаху бежал вместе со своими сокровищами и арсеналом на Сент-Мари.

Тут важно подчеркнуть некоторые аспекты этого отправного обмена посланиями, опущенные ранними толкователями. В рукописи сообщается, что отец нашего героя возвращает сына из Лондона в Амбонавулу (Фульпуэнт), но нет ни малейшего предположения, в каком качестве. Вместо того просто упоминается, что он тщетно пытался убедить местных малата или вождей поднять восстание. Однако, когда Рамананау через своего эmissара отправляет ему послание, к Рацимилаху он обращается вовсе не как к простому жителю.

Рацимилаху не получит от меня ни тандроки [рога. – Д. Г.], ни вари [риса. – Д. Г.]. Мою фелану я объявлю в свое время.

Скажи ему: Рамананау командует многими народами, населяющими территорию от Мануру до Ангунци. Если он дозволил тебе обосноваться в Фульпуэнте, то исключительно принимая во внимание услуги, которые оказал ему твой отец; однако он никогда не освобождал тебя от покорности ему как правителю страны. Ему известно, что ты являешься сыном уважаемого белого человека, но достоинства его не отменяют факта его инородства. Мать твоя была дочерью простого вождя второго уровня, и у тебя нет права на долю власти. Поскольку же ты запомнил свое положение инородца и свой долг подданного, Рамананау предписывает тебе покинуть Фульпуэнт и отправляться куда-либо в другое место. Молись душам своих предков, да укрепят тебя: ибо вскоре уже понесешь наказание за свою дерзость [158].

Кажется маловероятным, чтобы Рацимилаху требовалось разрешение на то, чтобы просто жить в доме отца. Пассаж этот приобретает смысл, только если Рацимилаху признаётся не рядовым жителем городка – места, которое спустя всего несколько лет после гибели Натаниеля Норта [159] переполняли пираты и действующие, и на отдыхе, их жены и дети, их малагасийская родня, торговцы и нахлебники, – но облеченным каким-либо должностным

положением. Отец его был союзником цикоа, доверившим сыну, несмотря на его юность, некую официальную роль в порту – вероятно, потому что тот умел читать и писать, владел языками и был на короткой ноге с туземцами, – роль своего рода посредника или надзирателя в торговых вопросах.

Тому факту, что послание Рацимилаху доставил его кузен Андриамбула, это также придает особое значение. Рацимилаху предстает здесь не как дитя пиратов, но как «глава рода зафиндрамисоа», и говорит от лица предков матери; того более: Андриамбула, сын брата его матери – что в обычных условиях ставило его выше по статусу – выступает в качестве посланника, то есть подданного. Таким образом, Рацимилаху добивался разом нескольких целей: заявлял претензии на первенство в клане, несмотря на то, что вел свое происхождение, как принято было считать, по второстепенной, женской («дети девочек») линии, и отвергал сам порядок наследования власти в союзе цикоа: как то, какой пост он мог занимать в своем статусе малата, так и общую систему рангов, которая отодвигала его на второй план.

Великое кабари

Возвращаемся к повествованию. Небольшая группка мятежников быстро освоилась на материке, в деревне Амбика, на севере острова, при впадении реки Мананары в Антунгильскую бухту, где их непокорность вызывала всеобщее восхищение; мпандзаки кланов, проживавших по соседству, прибыли с дарами – скотом, рисом, овцами и птицей. Наконец, все собрались на великое кабари.

В рассказе Мейёра об этом кабари в контексте нашего исследования обращают на себя внимание две вещи: во-первых, отсутствие на нем женщин, а во-вторых – использование политического ритуала, который очевидно представляет собой синтез обычаев малагасийского и пиратского.

Устранение женщин демонстрирует, в какой степени создание двух мятежных республик, цикоа и бецимисарака, связано с утверждением власти мужчин над «городами женщин» побережья. Со всех великих учредительных собраний женщины однозначно изгонялись. Более того, авторы источников, похоже, осведомлены, насколько это было необычно. Вот соответствующий пассаж из Мейёра (отметим в нем вычеркнутое предложение): этнографии в нем больше, чем во всём остальном тексте рукописи.

Словом кабари малагасийцы называют любое собрание индивидуумов по какой бы то ни было причине и с особой целью. Бывают кабари друзей, семей, деревень, племен, всей провинции. Женщины никогда в них не участвуют [160]. Важность кабари зиждется исключительно на его поводе. У этих странных людей, любителей новостей, для которых время – ничто, всё годится быть материалом для кабари; кабари могут созвать, чтобы послушать о приключениях путешественника, объявить о том, что вдалеке слышали выстрел пушки, видели судно, что приехала новая группа белых с товаром; комментариям тут нет конца. У них не бывает ничего пустячного, не стоящего серьезного отношения. Отчеты обычно сопровождаются фантастическими прикрасами <...> Все сидят на земле,

согнув ноги, сложив руки на груди, подбородки на коленях, над правым плечом запахнут лоскут ткани; с самым серьезным видом они курят трубки с терракотовыми чашами и тростниковыми чубуками; затянувшись раз-другой, передают трубку дальше; пьют, когда есть, медовуху или арак из тыквы-горлянки, которую тоже передают по кругу. Такие кабари проводят или в домах, или, если не хватает места, на свежем воздухе [161].

Это картина, конечно, сугубо мужского общения, однако устранение женщин в буквальном смысле подвергнуто здесь стиранию: автор или редактор вычеркнули в тексте фразу, поскольку на деле женщины не устранялись от участия в повседневных политических дискуссиях ни в городе, ни в деревне. У бецимисарака мог быть (а мог и отсутствовать) обычай, распространенный у людей танала, обитающих восточнее на побережье, проводить чисто женские собрания (кабарин'ни вехивави) для рассмотрения вопросов, касающихся самих женщин (например, преступлений против женщин) [162], однако не похоже, чтобы женщины были исключены из политических дискуссий вовсе. Фразу вычеркнули, потому что это была явная неправда, по крайней мере, как обобщение: женщины участвовали не только в повседневных кабари, но и в кабари деревень, на которых обсуждались вопросы, касавшиеся всего общества, проводились суды и ордалии. При этом нет свидетельств об участии женщин в любом из великих, то есть региональных, собраний, описанных в рукописи Мейёра, если не считать упоминания о рабынях, которых иногда дарят, выкупают или освобождают. Тем самым собрания эти утверждали главенство Дарафифи – традиционно мужской военной сферы, над Махао.

Принесение присяги

Мейёр описывает далее, как инициаторы сумели организовать всех по кланам и распределить по возрасту, а не по «богатству или власти», причем каждый клан выдвигал мписаку, то есть некий штаб, представитель которого имел полномочия говорить на совете. Рацимилаху начал с того, что принес присягу от имени своего клана и обратился к собранию, призывая народ вернуть контроль над землями, завещанными им теми предками, могилы которых были осквернены цикоа.

Свою длинную речь он завершил грандиозным перечислением ресурсов, что оставил ему отец – оружия и амуниции – бесценных предметов, которые в разумении этого народа служат главным источником власти и процветания.

Никогда еще на их памяти ничто более важное не занимало их ум; каждый счел необходимым изложить свои взгляды; те, кого пугала идея сражаться против власти, хотя бы и узурпаторской, однако же прочно утвердившейся, склоняли остальных к миру; иные переживали из-за бедствий, от которых чаяли видеть страну свою избавленной, но опасались, чтобы внутренние раздоры не сказались на процветании их торговли с белыми людьми. Наконец, иные, и таких было большинство, прославляли войну, не желали слышать ни о чем кроме того и пророчили самый счастливый исход... Мнение их одержало верх. Решение о войне в конце концов было принято единодушно, а общее командование кланом антаваратра [северянами. – Д. Г.] было возложено на Рацимилаху.

Таким образом, решение было принято в результате продолжительного поиска консенсуса (организаторы соорудили временные хижины, зная, что прения, по всей видимости, займут несколько дней); в результате Рацимилаху был избран в качестве филохабе, военачальника конфедерации «народа Севера». Если рассказ Мейёра заслуживает доверия, то представленные аргументы основывались не на абстрактных принципах, но лишь на праве наследования: то были земли предков, оскверненные присутствием чужаков, сами могилы их были осквернены в прямом смысле слова: их затоптали, памятные столбы, увенчанные черепами принесенного в жертву скота, сровняли, а сами черепа засыпали землей.

Всё это пока выглядит очень традиционно, хотя следует заметить, что у малагасийцев обычная практика – при создании чего-то радикально нового ссылаться на обычай предков. Настоящее же новшество заключается в ритуале, посредством которого в действительности был создан новый союз.

Как только закончил свою речь последний мписака, несколько мужчин вынесли корзину. Он [распорядитель. – Д. Г.] установил ее в центре, посреди собрания. В уголке его симбо (набедренной повязки) были припасены ружейные кремни, свинцовые пули, порох, пара стертых осколков горшка или миски, подобранных на рынке, кусочки золота и серебра, в отливках и кованных, и немного имбиря. В корзинку он поместил известное количество кремней, пуль и пороха вместе с тем порохом, что поднесли вожди клана антаваратра, добавил туда вуле, или бамбуковую меру воды, взятой из реки по соседству, перемешал всё это кончиком ножа – после чего пригласил всех вождей подойти.

Каждому вождю он сделал маленький надрез под ложечкой; кровь собрали на ломтики имбиря, и каждый потребил ложку этой смеси под щитом, на котором значилось: «Будем повиноваться тебе, сын Тама».

«Верни нам наследие наших отцов, верни нам наши порты, верни нам торговлю с белыми». Это повторялось каждый раз, когда принести присягу призывали очередного вождя. Затем чашу поднял Рацимилаху. «Клянусь, – сказал он, – вернуть вам наследие ваших отцов; возвращу ваши порты и торговлю с белыми, возвращу могилы ваших предков. Ваших жен и детей белые не станут больше забирать на борт своих кораблей, мужей ваших не будут приносить в жертву в морских песках, сжигать на кострах цикоа или язвить копьями».

Произнеся слова присяги, распорядитель снова заговорил энергичным тоном: «Да не будет огня на кремнях врагов ваших, да пропадет втуне их порох, да не достанут вас их пули; да не будет у вас недостатка в горшках и сковородах для приготовления пищи! Да пребудет в изобилии скот на пастбищах ваших, да не оскудеют запасы риса в домах ваших!» Разрезав смоченный кровью имбирь на столько частей, сколько было вождей, он передал каждому из них по одной части, и каждый проглотил свою порцию. «Вы испили напиток благоденствия, – продолжал он, – теперь же снейдите хлеб братства». Показав руки, все вернулись по своим местам.

Большая часть описанных деталей – имбирь, смешение крови, символические токены – тотчас узнаются всеми, кто знаком с литературой, посвященной клятвам и проклятиям у малагасийцев. Присяга обыкновенно следовала той же логике, что и ритуал фатидры, или

кровного братания, а в известной степени – и ордалий [163]. В обоих случаях договаривающиеся стороны адресуются к духу – по сути, вызванному к жизни посредством заклинания – как к союзнику, незримой силе насилия, чья природа в конечном счете непостижима, и призывают страшные кары на голову любого, кто нарушит только что принятые обязательства. Более изощренные версии подразумевали убийство и нанесение страшных увечий какому-либо животному; труп его демонстрировал судьбу, которая ждет любого, кто не сдержит клятву. Одно из самых ранних известных нам упоминаний о такого рода церемониях – это, конечно, описание в «Истории пиратов» Джонсона [164] заключения союза между Натаниелем Нортон, капитаном пиратов в Амбонавуле, и неким неизвестным малагасийским князьком, которое должно было совершиться всего за несколько лет до великого кабри Рацимилаху, и которое почти в точности принимает ту же классическую форму, включая переплетение пальцев и призывание страшных бедствий на того, кто нарушит данную им клятву [165].

* * *

Создается впечатление, что рассказы о такого рода союзах сделались самостоятельным жанром фольклора. В то время как Мейёр отмечает, что прения на том великом кабри, из которого выросла Конфедерация бецимисарака, были самым ярким из всего, что могли припомнить его информанты, и в некоторых местах даже приводит некоторые доводы за и против войны, главное внимание его однозначно приковано к деталям приведения к присяге; поэтому можно предположить: это и есть то, что запомнили его информанты и что показалось им достойным пересказа. Слова, которые при том произносились, и действия, которые совершались, были одновременно декларацией независимости и конституционным документом, посредством которых в буквальном смысле создавались, то есть были воплощены в жизнь, новые политические реалии.

Если это так, то для нас особенно знаменательно, что ритуалы принесения присяги, по сообщению Мейёра (не только в этом случае, но и в других подобных, о которых упоминается позже – в связи с созданием Конфедерации бецимисарака), существенным образом отличаются от обычной модели. При этом наблюдаются два главных отличия.

Прежде всего, они совершенно явно сложились в результате синтеза традиционных малагасийских ритуалов принесения клятвы и соответствующих обычаев у пиратов. Мы уже цитировали пассаж Даунинга, в котором малагасийские вожди принуждают своих гостей выпить по стакану морской воды, разведенной с порохом – каковую «церемонию... они переняли у пиратов» [166]. Здесь же используется не только порох, но также кремни и мушкетные пули; однако порох, ясное дело – самый важный элемент, что подтверждается тем фактом, что лишь порох собирается для церемонии в складчину: по определенной мере от каждого из вождей.

Во-вторых, присяга не следует здесь обычной формуле обращения к некоему дружественному духу с просьбой покарать всякого, кто нарушит клятву, ни один из символических предметов здесь не соотносится с бедствиями, которые должны обрушиться на головы клятвопреступников, буде таковые обрящутся. Это исключительно необычно. В сущности, мне неизвестны упоминания о каких-либо иных случаях малагасийской фатидры,

ритуала принесения клятвы (включая все, о которых я слышал или которым был свидетелем во время полевых исследований), когда заклинаниям бедствий такого рода не отводится центральное место – исключая те, в которых эти заклинания отсутствуют в принципе. В нашем случае, напротив, заклинание призывает напасти лишь на врагов союза – так же, как во многих малагасийских заклинаниях оружия (оди басы) [167] выражается пожелание, чтобы мушкеты противника не поражали цели; и далее подобным образом, скажем, при жертвоприношении, выражается пожелание здоровья и благополучия всем участвующим. Ничего из того обычно не встречается в политических соглашениях. Объяснение этому может быть лишь одно: таким образом подчеркивается, что созданный политический субъект по сути своей – форма не принуждения, даже не добровольного принятия на себя обязательств, которые становятся принудительными, как только были приняты – общественный договор в классическом смысле, но коллективное преобразование деструктивной силы (мушкетов и пороха) в некую силу коллективного процветания и благополучия.

Между тем как большая часть малагасийских политических соглашений (и многие африканские) следуют именно классической форме общественного договора [168], договор бецимисарака – по крайней мере, как он описан Мейёром, представляется расчетным отклонением, попыткой не обратить насилие против насилия для поддержания социального порядка, но превратить его в нечто совершенно иного рода.

Рацимилаху стал королем

Возможно, не следует заходить в этом смысле слишком далеко, так как в следующий раз, когда подобные присяги принимались, в них были включены новые элементы (заклятия врагов, заклинание всеобщего благополучия и изобилия), а в конце и проклятие. Пробежимся галопом по этой истории. Вновь учрежденная армия выступила и осадила окруженный палисадом портовый городок Фенуариву. После нескольких первых стычек цикоа, которые, по-видимому, использовали обширные болотистые поля рядом с городом для выращивания риса, чтобы продавать его на проходящие суда, были обмануты ложным чувством безопасности, а затем попали в засаду во время сбора урожая; что позволило Рацимилаху дать им насмешливое прозвище – бетанимена, т. е. «великая красная грязь» – по красной почве, прилипавшей к телам спасавшихся бегством. (Так с тех пор и стали звать их в дальнейшем.) После этого ловкого маневра под Вухимасиной, позволившего северянам штурмовать город, Рамананану обнаружил себя запертым в горной столице, и, испытывая все большие трудности со снабжением, принужден был просить мира. Он предложил уступить Фенуариву и Амбонавулу, но просил сохранить за ним самый южный порт – Таматаве.

Собрали новое великое кабари, на котором Рацимилаху сумел убедить колеблющихся мпандзак принять предложение с обещанием незамедлительно начать военные действия в случае, если с любым из народа бецимисарака в Таматаве обойдутся дурно. В итоговом соглашении племенем бетанимена Рацимилаху был признан «королем Фульпуэнта» (мпандзаккой Амбонавулы), а народом бецимисарака одновременно бессменным военачальником; иначе говоря, он должен был руководить боевыми действиями против бетанимена в случае нового конфликта.

Прежде, нежели мпандзаки Севера вернулись по домам, Рацимилаху со своими соратниками созвали итоговое кабари в Амбонавуле, чтобы договориться, какие в точности права и обязанности подразумевает его новый пост «вождя на вечные времена». И снова текст Мейёра [169] не конкретизирует политические итоги; вместо того автор на некоторое время задерживается на деталях ритуала.

Вначале один из присутствовавших мпандзак (кто именно, он не сообщает) объявляет, что Рацимилаху предстоит стать их бессменным военачальником с правом передать пост своему потомку по имени Рамаруманумпу («Тот, кто командует многими») и что все собравшиеся здесь отныне будут прозываться народом бецимисарака. Всё это было явно отрежиссировано заранее, поскольку

едва оратор закончил говорить, как появился распорядитель присяги со щитом, на котором нес золото, серебро, порох и имбирь вместо печати. Все мпандзаки приблизились. Он сделал каждому надрез в области солнечного сплетения. Собрав кровь на ломти имбиря и наполнив водой посудину, он перемешал то, что получилось; после чего, ударив в щит, подал знак договаривающимся погрузить в посудину кончики их копий, и, отойдя на пару шагов назад, выпрямившись и возведя очи к небесам, произнес следующее... «Боже милостивый, превыше всякой милости, духи-заступники человеков, благие души предков наших – будьте свидетелями завета, множеством народа заключаемого; молим вас: будьте милостивы к тем, кто держится завета, покиньте тех, кто преступит его».

В продолжение этого заклинания те, о ком шла речь, держась за руки, стояли, носки к носкам, и сохраняли глубокое молчание. Когда распорядитель закончил, всем принесли съесть по ломтику имбиря. После поднесли питье, разлитое на щите, и каждый испил его по три полных ложки. Кто подносил им питье, прежде прочих обратился к Рацимилаху, когда тот отправил ложку в рот: «Дитя андриамисоа, перед лицом бога и отцов ваших пей любовь к твоему народу, милость, покровительство; вы, вожди, пейте покорность и преданность; велико да будет богатство ваше, если вы сохраните верность. Да пропадет втуне порох ваших врагов; да не будет огня на кремнях врагов ваших, да не достанут вас никогда их пули. Пусть простираются рисовые поля ваши от самого берега до вершины горы Амбухицимены, пусть стада ваши заполонят равнины, пусть детей у вас будет больше, чем на дереве листьев. Пусть у вас, наконец, никогда не иссякнет вода и не кончатся горшки, в которых готовите вы еду вашу». Заклинание это повторялось для каждого из приносивших присягу.

Питье закончилось, и щит опрокинули на землю; распорядитель сделал несколько оборотов, всякий раз повторяя: «Пусть проткнет вас копье, пусть кости ваши зашьют в мешок, если вы не сохраните завета». После проклятия, которое завершало ритуал, вожди взялись за руки, свидетельствуя этим общим знаком благоприястия, что они все братья и желают быть братьями навеки [170].

Формула проклятия и сплетение рук почти идентичны с теми, что описаны у Джонсона в ритуале заключения кровного братства капитаном Нортон, также из Амбонавулы, с его малагасийскими союзниками. Клятвы сопровождалась тогда заклинанием двадцати волов, после чего женщины пришли в лагерь возглавить праздничные танцы, а мужчины –

прославить в песнях погибших на полях сражения.

Тут в тексте рукописи Мейёра нечто очень странное. В начале главы он особо отмечал: собрание созывалось, чтобы установить характер власти нового короля (бессменный военачальник иначе был бы «просто титулом, если бы полномочия его не получили разъяснение» [171]; однако как только он завершил описание церемонии, то словно передумал: в следующем же абзаце он просто замечает, что у малагасийцев власть по самой своей природе абсолютна, и ограничивают ее только воля и характер короля [172]. Это утверждение производит впечатление неискренности – со стороны ли Мейёра или его информантов, сказать трудно. Кажется крайне маловероятным, что Рацимилаху на самом деле была дарована абсолютная власть, даже в принципе (ведь даже в тексте Мейёра он, как все прочие, приносит присягу), хотя в целом это согласуется с убеждением автора документа, что вся Конфедерация бецимисарака была эманацией образцовых личных качеств Рацимилаху. Скорее можно предположить, что действительные дискуссии и установление полномочий, которые должны были происходить, формально либо неформально, просто опущены или в лучшем случае некоторые результаты перенесены в предпоследнюю главу [173], в которой описывается характер правления Рацимилаху: в частности, как он дозволил любому действительному мпандзаке сохранять свою власть, как то установлено местной традицией, однако вместе с тем даровал любому право созывать кабари, на котором присутствовал бы король и могли быть отменены любые непопулярные обычаи или принятые решения.

И всё же остается вопрос: является ли противоречие в повествовании Мейёра результатом его личного заблуждения или отражает более глубокие противоречия в самой политике бецимисарака? Полагаю, данное свидетельство совершенно прозрачно указывает на последнее. Малагасийские источники также часто утверждают, что монархи по определению располагают неограниченной властью. Несомненно, что перед иностранцами вроде Мейёра то же утверждали и бывшие соратники Рацимилаху. На практике, однако, дело обстояло совсем иначе.

И снова повествование принимает неожиданный оборот: последним свершением Рацимилаху было то, что он собрал нескольких знатных малата, детей пиратов, как и он сам, чтобы щедро одарить и лично заверить, что не имеет намерения изменить что-либо в их нынешнем положении. Фактически никто из малата не присутствовал на великих кабари и не участвовал в последовавшей семинедельной войне; Мейёр часто упоминает о «ревности» и «кознях» других малата, и Рацимилаху тревожился, чтобы они не перешли в лагерь неприятеля [174].

Этот эпизод проясняет, что привилегированный статус малата уже существовал; он был установлен в самом союзе цикоа, хотя в то время малата не представляли собой отдельной группы, что опять же неудивительно, учитывая, что старшим из них едва исполнилось двадцать. Отчего же создатели нового союза уделяли так много внимания социальной группе, чье экономическое и военное значение не могло тогда быть особенно значительным?

* * *

Смысл, думаю, становится очевидным, если исходить из более широкого контекста, намеченного мной в этой книге. Как мы видели, первым результатом появления пиратов было то, что множество честолюбивых женщин, скорее всего – из знатных родов (и это давало им право называть себя «княжнами» в том же смысле, что и местные старосты называли себя мпандзаками, или «королями»), получили возможность контролировать состояния пиратов и их связи и, по сути, заложить вместе с ними портовые городки, которым в последующей истории побережья было отведено господствующее положение. Отчасти целью их деятельности был подрыв влияния этнической группы зафиибрагим, до того выступавшей посредником в отношениях с иноземцами. Разумеется, Рацимилаху сам был сыном такой амбициозной женщины, которая, отметим, ни разу не появляется в повествовании Мейёра (хотя для предположения, что в то время ее уже не было в живых, нет никаких оснований). Очевидно, что если конечной целью пиратских жен было организовать своих детей в некую новую касту посредников – внутренних чужаков, которая полностью заменила бы зафиибрагим, то эти дети были для них весьма важны; для успеха этого плана необходимо было следить за тем, чтобы они сочетались браками в основном в своей среде (или с другими иноземцами). Именно это в действительности и случилось, и можно сказать, что, жалую малата особые полномочия, цикоа тем самым уже признали этот план и даже признали самого Рацимилаху частью этого плана (раз он, судя по всему, занимал в Амбонавуле какой-то пост). Рацимилаху отказался от всего этого, бросив вызов цикоа и идентифицируя себя с кланом матери, вошел в обсуждение видения нового союза с другими мпандзаками из бецимисарака; однако на переговорах с «малата» он, кажется, по сути, договаривался тогда через них с остающимися еще пиратами и их женами, заверяя тех, что не намерен отказываться от идеи создания новой аристократии.

Наиболее обоснованно предположить, что в постоянных упоминаниях ревности и козней малата имеются в виду не они сами, которые по большей части были тогда еще подростками, и даже не их отцы, в основном, кажется, поддерживавшие этот план со стороны, но их матери, которых явным образом лишили права участия в великих кабари [175]. Стараясь понравиться непосредственно старшим из числа их сыновей, Рацимилаху, возможно, стремился обойти их, но также, косвенно, и сотрудничать с ними.

Интерпретация эта подтверждается последующими событиями.

* * *

После непродолжительной передышки военные действия возобновились; клан фариавахи пожаловался на дурное обращение с его членами в Таматаве; после неудачной попытки восстановить согласие обе стороны собрали огромные силы и приступили к переговорам с союзниками. Разразилась война, которая длилась много лет. Закончилась она лишь в 1720 году, после продолжительной осады цитадели бетанимена под названием Варангарумбату. Согласно Мейёру, по своим формам война эта отличалась от всех прежних военных конфликтов на северо-востоке, поскольку и Рацимилаху, и Рамананану использовали современные тактические приемы, заимствованные в европейской практике: если прежде военные действия исчерпывались в основном ночными вылазками (тафикамаинти), то теперь соперничающие союзы прибегали к скоординированным дневным маневрам, устройству укрепленных постов и тактике осадной войны. В значительной части всё это

было развитием военизированных форм торговли, общеизвестных на побережье. Действительно, военные действия по большей части заключались в транспортировке, блокировке и перехвате партий риса, скота, оружия и амуниции, следующих в осажденные городки и оборонительные укрепления, а концентрация войск, участвовавших в продолжительных кампаниях, достигала, по оценке Мейёра (без всякого сомнения, преувеличенной) десятка тысяч человек. Между тем, чтобы содержать на довольстве на протяжении сколь бы то ни было значительного времени даже несколько тысяч человек, требовалась какая-то немыслимо изощренная логистика.

Мушкетам в этой войне отводилась особая роль. Обладание двумя сотнями мушкетов, которые Рацимилаху предусмотрительно раздал представителям всех кланов, было его большим преимуществом. Более того, если верить аббату Рошону, оказывать влияние на ход итоговой войны пираты могли одним-единственным способом: делая вид, что обеспечивают снабжение обеих сторон, на деле же выменивать пленных на мушкеты по самому невыгодному расчету и таким образом возвращать в строй воинов бецимисарака [176]. При этом важно иметь представление о том, какую роль в этом конфликте в действительности играло огнестрельное оружие.

Мы уже увидели, насколько велико было значение отдельных элементов огнестрельного оружия (кремней, пороха, пуль) в ритуале: так же, как рогá с рисом отправлялись как предложение мира, кремни и пули посылали неприятелю в качестве изъявления враждебных намерений. Комбинация того и другого (части оружия и символов благополучия) использовалась при принесении присяги. Как я уже отмечал, в обычном смысле фанабоди – чары, сотворенные с тем, чтобы носитель их приобрел сверхъестественную силу – решительно отсутствуют в повествовании Мейёра, несмотря на то, что они, как правило, самым широким образом практиковались в малагасийских конфликтах и, как мы убедились, хорошо документированы в других контекстах. Мейёр не упоминает также о зафиибрагим, антемуру, зафираминиа, любой другой группе, о которых нам известно, что в этом регионе они играли активную роль и специализировались по этой части. Всё это получает, впрочем, разъяснение, если предположить, что основатели Конфедерации бецимисарака сознательно стремились создать сугубо мужскую, воинскую сферу в оппозицию женской, окружавшей пиратов (снова Дарафифи против Махао).

Полагаю, справедливо будет сказать, что ружья в этих рассказах заменяют фанабоди. Мушкеты и были во вполне определенном смысле магическими предметами: столь же таинственными, потусторонними, неуправляемыми и опасными. Тут опять важно подчеркнуть, что огнестрельное оружие, которое в то время было доступно на Мадагаскаре, считалось исключительно ненадежным; европейские торговцы старались сбить с рук второсортный товар неевропейцам; климатические условия тропиков делали его тем более недолговечным; мушкеты часто отказывались стрелять или стреляли не так, как ожидалось. Использовать подобное оружие в сражении во многом походило на бросок костей: оно могло поразить неприятеля на большом расстоянии, с недоступной для других видов оружия скоростью и силой, но могло также и взорваться в руках стрелка. Отчасти по этой причине мушкеты, бывало, носили перед воинскими колоннами, как в иных условиях – оди или сампи, талисманы-обереги; часто же использование их ограничивалось тем, что военачальник палил в воздух, знаменуя тем начало боевых действий, или начальными залпами перед

армиями, которые сходились в сражении, вооруженные дротиками и длинными копьями-ассегаями [177]. Рацимилаху в бытность военачальником, по-видимому, ввел некоторые инновации, в частности – концентрацию огня своих относительно надежных ружей на тех, кто защищал вражеские укрепления, чтобы обеспечить прикрытие штурмующим брустверы [178] – тактика, которую он, судя по всему, подсмотрел у пиратов [179]. Однако сражения по-прежнему проходили в основном врукопашную.

И хотя стратегия ведения войны была направлена на обеспечение или дезорганизацию каналов снабжения (фактически – одновременно с торговыми отношениями), настоящий бой оставался классическим: создавал широкое пространство для подвига, поединков, вызовов на бой и личных выпадов, – одним словом, известным нам еще по героическому эпосу Гомера, исландцев, Мейёри и пр. Вместо отчета о том, как с переменным успехом тянулись кампании и заключались союзы, позвольте мне привести один текст, который дает представление об общем характере происходившего.

Героический поединок

В начале осады Варангарумбату самым славным и умелым воином на стороне бецимисарака был молодой мужчина из клана фариывахи по имени Андриамахери.

Его мастерство в обращении с ассегаем, расстояние, на которое он мог метнуть дротик, ловкость, с которой применял европейское огнестрельное оружие, и главное – его смелость и бесстрашие делали его грозным неприятелем бетанимена. Не было ни единой атаки, ни единого сражения, когда бы он не продемонстрировал любовь к славе и стремление вырвать пучок копий, чтобы по возвращении домой повергнуть их к ногам возлюбленной. Могущественные мотивы эти всегда влекли его в первую шеренгу. Все, кто следовал за ним, были уверены в победе; все, кто пытался противостоять ему, терпели поражение или встречали смерть. Сей малагасийский Гектор еще не встретил своего Ахилла, и Рамананану бросил считать соплеменников, поверженных от его руки [180].

Андриамахери, отмечал Мейёр, сам еще не принес клятву верности, но Рацимилаху верил в его преданность безусловно. Однажды Рацимилаху приказал ему совершить отвлекающую атаку на один из горных постов, пока сам во главе основного резерва отправился на перехват колонны снабжения.

Князь ушел. Андриамахери отправился исполнять приказ. Сражение началось. Командующий постом, мужчина великого мужества и преклонного возраста по имени Мандрирези разглядел во главе отряда горячего Андриамахери, сметающего всё, что попадалось ему на пути; Мандрирези раздражен тем, что былая рана, полученная им в последнем бою, может помешать ему вступить в единоборство с неприятелем. Между тем смерть встретили уже четверо его людей. Еще трое пали, перелезая через забор, четвертый – лишь только успел его миновать.

Терпение Мандрирези иссякло.

– О, дикий бык, – сказал он, – рога твои упрутся сегодня в землю; их приторочат к столбам на гробницах бетанимена!

Сказав это, он взял пучок дротиков и метал их из укрытия, после же встал во весь рост, опираясь на свой длинный ассегай.

Тут и Андриамахери разглядел его.

– Что ты здесь делаешь, старик? – спросил он. – Почему ты не дома, отчего не поучаешь домочадцев? Это тебе по силам. Для чего ты покинул свой дом? Гляди сюда: вот то, что заставит тебя пожалеть об этом.

При этих словах его сильная рука метнула дротик, за ним другой; оба отбил щит Мандрирези. Третий проколол набедренную повязку воина и заставил его смутиться. Мандрирези вырвал дротик из раны.

– Зачем? – спросил он. – А вот зачем.

Схватил он дротик и метнул его обратно в неприятеля.

– Чтобы тебе поучать мертвых! [181]

Взаимные насмешки такого рода типичны для героических поединков. Сражение часто полностью приостанавливается, пока два прославленных ратника сражаются друг с другом. Именно так случилось и в нашем случае.

Древко прилетело, ударилось о щит и отскочило на землю; когда у обоих не осталось ничего, кроме длинных ассегаев, они выдвинулись друг против друга и, разъяренные, осыпали друг друга страшными ударами. Треск щитов их был слышен издалека. Звук приковал внимание воинов, которые прекратили метать копья и встали, наблюдая за поединком [182].

Дело между тем приняло неожиданный оборот, когда из-за могучего удара Андриамахери споткнулся и упал прямо на копье своего соперника; Мандрирези тотчас подхватил тело и утащил его через забор в расположение своего лагеря. Приблизительно в то же время сражающимся сторонам стало известно еще об одном поединке, случившемся у подножья той же горы: Рацимилаху, обнаружив в лесу конвой каноэ бетанимена, стремительно вбежал в реку и, обменявшись ударами с Рамананау, едва был спасен своими собственными людьми: сам он был почти окружен и с трудом отбивался разбитым щитом от шквала дротиков.

Едва Рацимилаху избавился от опасности, он тотчас вспомнил о маневре, который поручил Андриамахери, и поспешил к нему – но лишь для того, чтобы узнать о его кончине.

За тем последовала повесть о роковом событии: все планы мести провалились. Андриамахери больше не требовалась помощь, но прах Андриамахери должен был обрести упокоение в гробнице его предков. Он погиб мужественно. Настанет время, когда и бетанимена будут его оплакивать; но пока его тело остается во власти врага, оно может

стать добычей диких животных и посмешищем для его неприятелей. Ужасна мысль об этом; она вытесняет все остальные переживания в душе героя. Ему не нужно ничего, кроме Андриамахери; он отправляет посланцев за его телом.

Мандрирези возражает, что Андриамахери принадлежит ему: ведь он же победил героя; без выкупа тела он не вернет.

- Что ты хочешь?

- Сто волов и десять рабов.

- Дорого же ты оценил свою удачу.

- Не удача привела меня к нему. Теперь я желаю сто волов и десять рабов, не то рассеку его на части и продам кусками.

- У Андриамахери больше нет отца, нет брата; у него остались только мать и сестра.

- Но он же из клана фариавахи. Позор падет на всех, если они не выкупят тело.

- Я не отец и не брат Андриамахери. Я не из клана фариавахи. Но я заплачу за его тело. Завтра на восходе будут у тебя сто волов и десять рабов.

- Обещай, что дашь мне сто волов и десять рабов.

- Обещаю тебе, что дам их.

- И я сам выберу себе рабов?

- Можешь выбирать.

- Забирай Андриамахери. Парень был смелым. Ему просто не повезло.

- Потому и несут его к гробнице отцов [183].

Далее следует описание бесчестья: мать и сестра Андриамахери [184], изнуренные танцем (поскольку в продолжение поединка, следуя традиционному обычаю бецимисарака, они танцевали, чтобы придать мужчинам больше смелости), вместе с домочадцами и рабами убирали его «цепями, серьгами, золотыми ожерельями, украшенными кораллами, которые прислал Рацимилаху» [185], а также оборачивали его несколькими пеленами, после чего, за два часа до рассвета, временно уложили его передохнуть на расщепленный ствол дерева под пение скорбных песен и прославление его подвигов, получив от Мандрирези дозволение похоронить его на том самом месте, где он погиб [186].

Всё указывает на то, что женщины в действительности не были изгнаны с поля боя; они попросту были оттеснены на задний план, так что рассказчик нечасто видит смысл упоминать о них. И то, что война затянулась на долгие годы, и то, что в ней принимало

участие огромное количество людей, могло лишь глубже отразиться на балансе сил между мужчинами и женщинами.

Наступило утро.

Рамаруманумпу отдает распоряжение, чтобы обещанные сто волов пригнали на поле между двумя лагерями. За ними плетутся пятьдесят рабов, чтобы Мандрирези было из кого выбирать. Мандрирези является и загоняет сотню волов за палисад бетанимена, затем выбирает среди подоспевших рабов десяток соплеменников.

- Вижу, что слово твое крепко, - сказал он Рамаруманумпу. - Когда-нибудь я принесу тебе клятву верности. Целое богатство отдать за труп, который достанется червям!

- За тело храброго мужчины, - возразил князь. - Он того стоил.

- Я забираю у тебя стадо, потому что у меня есть в нем нужда; беру у тебя рабов, потому что это мои люди. Но волов я мог бы купить, а рабов выменять. Обещаю их тебе за эту свежевыкопанную землю.

Он указал на могилу Андриамахери.

- Оставь себе и волов, и рабов как цену мужества.

- Я верну тебе долг, потому что богат; я верну их тебе ради родных Андриамахери: пусть те принесут их в жертву на его могиле; ибо я не видел ни ножа для заклания жертв, ни тризны по почившему.

- Великодушный противник! Однажды я тоже принесу тебе клятву; да будет так; приму твой дар; после же полакомимся вместе на камне памяти.

На этом герои подали друг другу руку и расстались. Каждый вернулся в свой лагерь; вражда уступила место ночи [187].

Щедрые жесты, роскошные дары - всё тут есть, равно как хвастовство и поединки - квинтэссенция героического поведения; и Мейёр прекрасно осведомлен об отголосках Гомера (он даже называет этих двоих Ахиллом и Гектором); но сам факт, что подробности эти помнили спустя пятьдесят лет, дает ясно понять, что героический жанр действительно существовал на Мадагаскаре и что войну помнили как время, когда отдельные личности могли, исключительно благодаря своим личным качествам, совершать поступки с продолжительными последствиями. События, сопровождавшие смерть Андриамахери, кажется, считались особенно важными, поскольку предвещали окончательное примирение двух народов, бецимисарака и бетанимена, которые фактически сливались в один. Когда Мейёр завершает свой рассказ установлением мира, он должным образом отмечает, что, поскольку к тому времени Мандрирези был мертв, сын его Захипуйна выполнил клятву отца и передал Рацимилаху сотню волов и десяток рабов в качестве выкупа. Рацимилаху покрыл все расходы по перемещению и ритуальному погребению тела Андриамахери, которое было освящено закланием двадцати волов на камне памяти

гробницы клана [188].

История эта начинается и оканчивается упоминанием гробниц: в первой своей речи Рацимилаху делает упор на постоянном осквернении родовых усыпальниц северян людьми цикоа; завершается война погребением тысяч тел погибших на полях сражений в тех же самых, теперь обновленных, усыпальницах – в материальной основе новообразованного народа. Немало пиратских сокровищ было снято с живых тел и с коммерческих счетов жен и дочерей самих пиратов, чтобы, пройдя через серию героических подношений, быть погребенными с павшими героями и сделаться структурой памяти, вокруг которой предстояло сложиться новообразованному народу – бецимисарака.

Двор, королевство и расцвет занамалата

Немало сокровищ осело, очевидно, и при новом королевском дворе в Амбонавуле, со временем получившей название Фульпуэнт. (Альтернативную резиденцию король содержал по соседству – в Фенуариву.) Теперь должно быть очевидно, что на восточном побережье в этот период – то есть со времен Генри Эвери и Джона Плантейна до времени графа Бенёвского – способность поддерживать видимость могущественного двора с вооруженной стражей и свитой, блистающей драгоценностями, очень мало говорит нам о реальной власти «монарха», о котором идет речь. Это верно, по крайней мере, если «власть» измеряется способностью организовать ритуальный труд и материальные ресурсы окрестного населения. У нас мало свидетельств того, что Рацимилаху был в состоянии мобилизовать население в каком-либо смысле, кроме как собрать войско в случае вторжения извне – как и любой другой военачальник. Да, он старался улучшить коммуникации, заложить систему амбаров во всех больших деревнях, где можно было бы хранить предназначенный для экспорта рис и где могли бы получить помощь путешественники, поощрял развитие дорог. Но такого рода общественные житницы и без того уже существовали, а поставки крупных партий товаров в порты были занятием, которое всегда пересекалось с военными операциями. Наконец, хотя Мейёр указывает, что некоторую часть запасов каждого местного мпандзак (по его грубой оценке – десятую часть) отправляли в столицу на личные склады Рацимилаху, он также особо подчеркивает, что исполнялось это по усмотрению самих мпандзак, что делало эту систему в значительной степени добровольной [189].

Если Рацимилаху держал при себе нескольких молодых представителей родов мпандзак в качестве «гонцов», а его собственные рабы трудились, управляясь с его запасами, то, по-видимому, для чиновника это было в порядке вещей. Не было ни постоянного совета вождей, ни малейших признаков того, что Рацимилаху стремился создать нечто вроде системы фанампоана у народа мерина, где каждой социальной группе в зависимости от ее происхождения вменялась в обязанность особая форма трудовой повинности на благо монархии. Система ранжирования в кланах не сложилась. Как уже указывалось, археологи не находят свидетельств существования иерархии в поселениях; система из мпандзак трех

классов больше не упоминается. Нет признаков того, что зафиибрагимы или иные ритуальные специалисты имели какое-либо систематическое признание или какие-то привилегии; для них понижение в ранге было, по-видимому, необратимо.

Единственным исключением является, конечно, малата (впоследствии занамалата). На последнем этапе войны Рацимилаху был достаточно осмотрителен, чтобы позволить тем, кто достиг призывного возраста, формировать свои особые подразделения, чтобы назначать их, где было можно, на командирские должности и, что важно, освободил малата как класс от принесения присяги, которая связывала всех прочих бецимисарака, включая, разумеется, его самого [190]. Это последнее особенно знаменательно, поскольку посредством присяги фактически утверждалось политическое общество, малата же, соответственно, провозглашались стоящими за его пределами, как своего рода сословие бессменной пришедшей аристократии.

Во всяком случае, более справедливо это предположение становится с течением времени. Если создание Конфедерации бецимисарака можно рассматривать как ответ мужчин на самоутверждение женщин, образовавших некий союз с пиратами, то расцвет малата представляется своего рода контрответом. Давайте взглянем на вопрос не с точки зрения самого короля, но с позиции людей, которые возвели его на трон: проблема заключалась в том, что ничего особенного, что отличало бы Рацимилаху от любого прочего малата, в нем не было. Отец его был простой моряк, клан матери – не слишком знатный, трофеи, которые он унаследовал, впечатляли, но нет признаков, которые бы указывали на их уникальность; так или иначе, ко времени, когда война закончилась, добрую половину наследства он уже раздал. По мере того как другие малата становились старше, их матери и родственники по материнской линии, судя по всему, изо всех сил старались, чтобы в тех признали нечто подобное: храбрых воинов, не испытывающих недостатка в ружьях, рабах и предметах заморской роскоши, в равной мере умеющих поддерживать дружеские отношения и с иностранными торговцами, и со всеми прочими гостями. Во всяком случае это объясняет путаные свидетельства путешественников 1730-х годов вроде Косиньи, согласно которым Рацимилаху был просто одним военачальником среди многих, и, возможно, объясняет даже игривую инсинуацию самого Рацимилаху, заявившего коммодору Даунингу, что отец его был самым известным среди всех пиратов.

Матери их, похоже, изо всех сил следили также и за тем, чтобы малата сочетались браком исключительно в пределах той же самой группы, что было, разумеется, важно, поскольку именно это сделало разрозненную и гетерогенную стайку подростков, каковой они являлись в начале военных действий, настоящим социальным классом – занамалата («детей мулатов»), а со временем и зафималата («внуков мулатов»), как они называются и поныне. Последующая история этой группы [191] потенциально представляет собой богатое поле для будущего изучения. Систематических этнографических исследований среди занамалата, равно как и собирания их фольклора, по каким-то причинам не проводилось; однако согласно «Этнографии Мадагаскара» Альфреда Грандидье, которая остается для нас наиболее подробным (хоть и несколько скандальным) источником, отдельные роды занамалата со временем сделались господствующими в большинстве тарики, или кланов, бецимисарака [192]. С другой стороны, занамалата в целом старательно обособляли себя от бецимисарака. Отдельные семьи занамалата демонстративно игнорировали некоторые

аспекты жизни, обычные для бецимисарака: пренебрегая типичными гендерными ролями при полевых работах [193], отказываясь от обряда обрезания детей мужского пола [194] или от обычая временного погребения, помещая усопших непосредственно в родовую гробницу [195]. Другими словами, при каждой локальной группе со временем сложился свой локальный класс князей-чужеземцев или, по-моему, «внутренних чужаков» – иноплеменников для своих малагасийских соседей, но малагасийцев для чужестранцев.

* * *

Парадокс заключался тут в том, что умножение числа юных князей-чужеземцев, судя по всему, в конечном счете имело результатом в большей степени укрепление, чем подрыв эгалитаризма в остальной части общества. Бецимисарака, изначально название политической коалиции, было принято в качестве названия народа в целом (я использую здесь термин «народ» в том двойном смысле, в каком он часто используется как на Мадагаскаре, так и где угодно: в смысле – «все», но включая также «всех прочих»; то есть всё население, но в то же время и тех, кто не входит в элиту). По-видимому, имел место процесс схизмогенеза: потомки пиратов стремились обособиться от простых людей; те, кто всё чаще ощущал себя бецимисарака, в свою очередь, противопоставляли себя потомкам пиратов. По сообщению Силла [196], к примеру, многие занамалата стали возвращаться к практике приглашения для забоя волов ритуальных специалистов – в данном случае зафираминиа, а не зафиабрагим – и воздерживались от мяса, не получившего соответствующее освящение; похоже, совершалось это в пику бецимисарака, которые, напротив, вводили новый обычай, согласно которому каждый младший род избирал старейшину, которого называли тангаламена, чисто местного ритуального посредника между живыми и мертвыми, особой функцией которого было жертвоприношение скота [197]. То же, кажется, имело место и в отношении менее заметных форм повседневного поведения: путешественники начинают чаще отмечать высокомерие и самодурство мелких князей-малата и всё более многословно восхваляют мягкость, присущую народу бецимисарака, его кроткие и скромные манеры.

Это очень типично для Мадагаскара: эгалитаризм возникал, так сказать, как побочный эффект воображаемых форм абсолютной власти. Король мерина Андрианампуйнемерина часто говорил, что его подданные равны между собой, поскольку все в равной степени являются его подданными. Жерар Альтаб [198] много писал о том, как эта динамика находила проявление в деревнях бецимисарака в колониальный период: в частности, в призывании духов царственных предков в церемониях тромбы. Нечто подобное случилось и с отношением бецимисарака к занамалата. По сути, по отношению к ним все были равны. Со временем равенство это всё больше и больше приобретало самостоятельную ценность.

Наконец, тот факт, что статус занамалата имел в основе своей их богатство и связи с далекими странами и что это почти не оставляло возможности для дифференциации в их среде, создавало надвигающуюся проблему легитимности двора Рацимилаху. Его личной харизмы, очевидно, было достаточно для того, чтобы контролировать ситуацию, покуда он был жив; однако, судя по всему, он прекрасно понимал, что передать свой пост детям будет исключительно трудно. Решение проблемы, которое он имел в виду, лежало в рамках великой традиции – того, что Маршалл Салинз называл *upwards nobility* [199] – брака,

который бы доставил из далеких стран новые источники таинственной власти. Рацимилаху вел переговоры об эффективном брачном союзе с двором Буйны правителей сакалава, где некогда сам служил советником короля; в случае успеха его сын и наследник смог бы претендовать на два разных престола. Он запретил спать с малагасийцами своей дочери Бетии [200], по-видимому, даже с такими же малата, но горячо приветствовал ее попытки завести отношения с европейцами – гостями при его дворе. Оба расчета провалились катастрофически. Матави, княжна сакалавская, главная супруга Рацимилаху, скоро обнаружила пренебрежение к тому, что, по-видимому, считала потешным двором и потешным королевством, и злоупотребляла своим обычным правом княжны на сексуальную свободу до пределов, по общему мнению, самых скандальных. Считается, что это ставило под сомнение легитимность ее сына и наследника Занахари, отцом которого, как говорили, мог быть любой. В конце концов Бетия завела роман с французским капралом и агентом Ост-Индской компании Ля-Бигорном, который использовал ее преданность для того, чтобы всемерно подрывать в королевстве стабильность.

Рацимилаху, как считается, окончил свои дни в распутстве и разгуле, измученный непримиримыми войнами между его женами и любовницами, в результате которых был отравлен [201]. Конец, очевидно, ужасный. Однако правление его, каким бы оно ни было, осталось в памяти как золотой век. Какие бы механизмы ни использовали его соратники и союзники при создании своего децентрализованного мнимого королевства, по-видимому, они достигли своей цели, обеспечив всеобщий мир и процветание страны в продолжение тридцати лет и в основном оградив бецимисарака от притязаний работоторговцев – вовсе не потому, что создали нечто похожее на современное национальное государство (как утверждают историки колониального периода вроде Дешама), но именно потому, что этого не сделали. Если это было историческим экспериментом, то – хотя бы поначалу – поразительно удачным.

Версия #1

Зверобой создал 9 февраля 2026 00:21:12

Зверобой обновил 9 февраля 2026 00:23:35